

некоторые племена стали изготавливать её из более плотного материала. А когда отправлялись в поход, брали запасную пару обуви.

Если подошва протиралась, её выбрасывали, верх же бережно хранили, пришивая к нему новую подошву. Верхняя часть, расшитая иглами дикобраза и бисером, могла рассказать, какого рода-племени счастливый владелец именно этой пары. На мокасинах, в которых индеец отправлялся в мир предков, бисером бывала вышита и подошва. И предкам приятно, и представшемуся почёт.

Понятно, что такая хорошая обувная мысль не могла остаться в резервациях. В середине XX века с мокасин стали шить «туфли для водителей», которые очень бойко продавались. Обувь прочно прижилась в кругах гонщиков. Им была необходима пара, в которой на длительных заездах не уставали бы ноги. Прообразом стали мокасины, на подошву которых для удобства приделали резиновые шипы.

Обувь оказалась настолько хороша, что вслед за гонщиками её стали носить и остальные водители, а потом и пешеходы. Последних специалисты предостерегают от длительных прогулок: ногу мокасины держат слабовато, стираются быстро. В общем, переход через Альпы — для другой обуви. А вот переезд...

Слово «монокль» изначально сложено из двух корней двух языков. Древнегреческое «один» складывается с латинским «глаз». На выходе получаем не циклопа, как можно предположить, а монокль — разновидность оптического прибора.

Историки расходятся во мнениях относительно времени появления монокля. Некоторые считают, что он был изобретён в XIV веке. Другие уверяют, что в монокль, выточенный из изумруда, Нерон глядел на великий римский пожар. Придворные медики де прописали слабому глазами императору больше смотреть на зелёный цвет, в результате и появился изумрудный монокль. Шокируем литера-

МОНОКЛЮ НЕИЗМЕННО БЫЛ ПРИСУЩ «ДУХ САМОУВЕРЕННОЙ ЭЛЕГАНТНОСТИ»

туроведов, предположив, что Нерон был прототипом Гудвина, придумавшего для Изумрудного города очки с зелёными стёклами? (Шутка.)

Некогда у монокля была ручка, и более всего он походил на лупу. Потом появилась тонкая оправка (факультативно) и крепящийся к ней шнурок или цепочка. Небрежно вставить стёклышко в глазную впадину и не вынуть, а сбросить расслаблением мышц — всё это становится этаким дендистской акробатикой.

До вершин популярности монокль добирается в XIX веке. Законодатель мод — Британия. Но большее число поклонников сей оптический прибор завоевал в России и Германии.

Правда, потом по причинам патристического характера дорогие россияне стали относиться к моноклю весьма неоднозначно. Немцы ведь тоже жаловали этот полезный аксессуар. А тут война.

Во время Первой мировой монокль становится постоянным объектом карикатур. Хотели изобразить гадкого

прусака — пририсовывали ему остроконечную каску и монокль.

Приём ещё больше закрепился после революции, «буржуйские недобитыши» очень часто изображались при моноклях и в цилиндрах.

С другой стороны, одинарное оптическое стёклышко неизменно помогало выделиться, чем и пользовались представители богемы. Есть свидетельства, что монокли очень даже жаловали футуристы, известные любители эпатировать почтеннейшую публику. Фотография нефуриста Михаила Булгакова в монокле стала канонической. Это стёклышко он, говорят, купил на блошином рынке. Ирония судьбы, что на этот сугубо буржуазный девайс Михаил Афанасьевич потратил гонорар, полученный в пролетарской (других к тому времени не было) газете «Гудок».

Фото более чем смелое, учитывая, что сделано после Первой мировой войны и после революции.

Специалисты отмечали, что моноклю неизменно был присущ «дух самоуверенной эlegantности». Тому можно найти массу причин. Сказать для начала, что монокль всегда был недёшев. Линза, оправка из драгоценных материалов, золотая цепочка к нему: прибор зачастую становился ювелирным изделием, изготовленным по индивидуальному заказу. И к этому физиономия его владельца, перекошенная (большинство соглашается с тем, что перекошенная совершенно снобистски) из-за усилий то стёклышко удержать.

Словом, не случайно именно монокль становится одним из атрибутов Юстаса Тилле — совершенного денди, вымышленного персонажа, образа журнала The New Yorker.

Несмотря на всю неоднозначность отношения публики к моноклю (или благодаря ей?), прибор дожил до сего дня. Появились более удобные оптические конструкции, очки, линзы, но нет-нет да и мелькнёт где-нибудь на Трафальгарской площади почтенный джентльмен, церемонно прогуливающийся со стёклышком в глазу.